В. В. Кочетков

К вопросу об особенностях российского конституционализма начала XX века

Кочетков Владимир Валерьевич — кандидат философских наук, независимый исследователь (e-mail: vovov69@mail.ru).

Аннотация. В статье показывается, что особенности российского конституционализма начала XX в. способствовали захвату власти большевиками в октябре 1917 г. Мнимый конституционализм самодержавия привёл к утрате легитимности российской империи, а догматическая ограниченность правовой науки не позволила выработать теоретическую альтернативу такой политике.
Ключевые слова: конституционализм, конституционная аксиология, мнимый конституционализм, Октябрьская революция 1917 года, самодержавие, свобода.

Путь от несвободы к свободе тернист и долог. Это связано не только с силой общественных классов, заинтересованных в сохранении старого порядка. Дело в том, что с исторической точки зрения та или иная форма зависимости отдельного индивида (например, личная — от семьи, рода или племени; или потребность в защите от более сильного) является органичной и естественной для человеческого общества. Поэтому длительное время свобода немногих всегда была верхушкой пирамиды несвободы большинства. И только в Новое время возникли две теоретические парадигмы, которые объясняли эту «естественную» социальную ситуацию и предлагали пути её изменения.

Первая (её впоследствии назвали конституционализмом) парадигма исходила из того, что развитие человеческого разума позволяет через признание естественных, политических, социальных и культурных прав за каждым человеком построить такой государственный строй, при котором каждый мог бы свободно и не в ущерб другим реализовывать свою концепцию благой (правильной, субъективно желаемой) жизни.

Вторая парадигма (на практике реализовывалась национал-социалистами и коммунистами) исходила из несовершенства человеческой природы и поэтому считала необходимым элиминировать свободу немногих и через равенство в несвободе каждого реализовать идеал органического общества в виде своеобразного человеческого улья, где индивидуальное счастье состоит в реализации своих обязанностей на благо самоценного целого (партии, нации, расы).

К концу XX в. стало очевидно, что конституционализм как система внутренне связанных между собой ценностей и правовых норм позволяет достичь более высокого уровня развития личности и общества. Однако это понимание далось ценой того, что две высокоразвитые в культурном смысле страны Европы — Россия в 1917 г. и Германия в 1933 г. отказывались от конституционализма и становились полигонами для тоталитарных практик. Исследованию причин этого драматического события в русской истории посвящено огромное количество научной и ненаучной литературы. Однако, в ней мы не найдём ответа на вопрос, почему вставшая с октября 1905 г. на путь конституционализма Россия так легко с него свернула в октябре 1917 г. и стала полигоном для разнообразных социальных экспериментов, повлёкших многочисленные жертвы. Прояснить этот вопрос тем более важно, что и современная Россия, возникшая на обломках СССР, все двадцать лет своей истории балансирует между свободой и несвободой, а у большинства населения страны создаётся впечатление, что свобода ведёт к хаосу и распаду государства.

Для российских юристов начала XX в. было очевидно, что конституционное государство с необходимостью возникает на определённом этапе человеческой истории. Как отмечал С. А. Корф: «Общераспространённость факта возникновения конституционной формы государственного строя ясно свидетельствует, что таковая не есть какое-либо местное или случайное явление, а особая стадия развития государственности, обусловливаемая некоторыми также общераспространёнными социальными факторами; во всех государствах, достигающих известную ступень культуры, под влиянием растущего народного образования национального самосознания, наступает момент, когда народ проявляет стремление, в той или другой форме, участвовать в осуществлении функций государственной власти, чаще всего в законодательстве»[1]. Однако, с исторической точки зрения, конституционное государство является продуктом естественного развития англосаксонских народов, достигшим своей вершины в Конституции США 1787 г. и Билле о правах 1791 г. Именно Британия в XVIII в. и США в XIX в. стали образцом для подражания и объектом осмысления для ведущих интеллектуалов в других странах. Иначе говоря, конституционное государство сначала сформировалось, а потом рационализировалось, т.е. осмыслялось. Успехи Англии и США в международной конкуренции, а также череда буржуазных революций в XIX в., показали неэффективность государств Старого режима и подвигли их элиты на реформирование через конституционализацию своей власти.

С логической точки зрения предпосылки теории конституционализма необходимо искать в принципах обычного права, которые исходят при разре-

[1] *Корф С. А.* Русское государственное право. Часть I. — СПб. : Общественная польза, 1915. С. 49–50.

шении спора о праве из предпосылки существования стоящей над любой властью справедливости, а также из частноправовой теории собственности. Как известно, в сфере гражданского оборота лицо имеет абсолютную свободу, т.е. власть, над вещью. С развитием товарно-денежных отношений в Англии с XII в. принципы гражданского оборота стали всеобщими, а значит индивид, имеющий власть над вещами (деньгами), необходимыми для монарха (государства), перестаёт быть объектом для власти. Он стремится распространить принцип равенства сторон из гражданского оборота на сферу публично-властных отношений. Сначала гражданин просто откупается от власти, платя налоги. Так появляются личные права. Затем он за свой вклад в общее дело (государство) в виде налогов получает право влиять на власть — так появляются гражданские (политические) права, основанные на имущественных цензах. И только социальная борьба, проходящая красной нитью через весь XIX в., распространила эти и другие права на остальной народ. Представляется, что такое игнорирование исторических, социальных и логических предпосылок возникновения конституционного государства имело своим практическим следствием неспособность партии кадетов, выражающей интересы российской либеральной общественности, и ведущими теоретиками которой были российские конституционалисты того времени, мирно провести нашу страну через горнило 1917 г. по конституционному пути.

Конституционное государство рассматривалось как антитеза абсолютной монархии. С. А. Котляревский писал: «В конституционном государстве всякий полноправный гражданин через своих представителей является участником в создании того акта государственной воли, который именуется законом. В государстве абсолютно-бюрократическом член государственного союза является лишь объектом мероприятий правительства. Поэтому лишь в конституционном государстве обязанность власти относительно сограждан облекается в строго юридическую форму, а не остаётся одним проявлением господствующего в данной исторической среде морального уровня»[1].

При таких нечётких критериях, на наш взгляд, становится невозможно выделить differentia specifica конституционного государства. Например, если орган народного представительства имеет совещательные функции, то в этом случае он же все равно участвует в законодательстве. Но такое государство, где последнее слово остаётся за административной властью, мы не можем считать конституционным. Аналогично ситуация обстоит с дефиницией правового государства как народного участия в законотворчестве, предложенной С. А. Корфом. Участие в законодательной власти без ограничения власти как таковой может оборачиваться диктатурой большинства. Например, террор якобинского Конвента или же ситуация в современной Исламской республике Иран, где есть участие во власти населения (выборы), но не защищены

[1] *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. — М. : Зерцало, 2004. — С. 10.

базовые права человека, показывают, что нельзя редуцировать все содержание понятия конституционализма к демократическим процедурам. Ещё Ш. Монтескье предупреждал, что нельзя смешивать свободу народа с властью народа. Именно в силу вышеизложенного остаётся согласиться с мнением С. А. Котляревского, который полагал, что главным вопросом является не какова природа самих прав человека и гражданина, а какие черты государственного устройства обеспечивают неприкосновенность этих индивидуальных прав[1].

Как известно, основной целью конституционного государства со времён Дж. Локка является обеспечение свободы отдельного гражданина. В этой связи необходимо отметить, что в отечественной науке распространено мнение, что юристы начала XX в. отождествляли понятия «конституционного государства» и «правового государства»[2]. Мы считаем, что так говорить неправильно. Как показывает история, под видом господства права может быть оформлен и произвол. Только народное представительство, разделение властей при ведущей роли законодательной власти, уголовная и политическая ответственность исполнительной власти перед парламентом, а также через механизмы административной юстиции, а самое главное — признание за каждым гражданином неотъемлемых субъективных прав, позволяет реализовать принцип господства права и обеспечить максимальную свободу для каждого. Как подчёркивал в этой связи В. М. Гессен: «Только конституционное государство может быть государством правовым»[3].

Любопытно, что российские конституционалисты в качестве основных прав человека и гражданина признавали только гражданские и политические права. Так называемые социальные права они рассматривали в качестве неких благих пожеланий, как необходимость облегчать положение рабочего класса правовыми средствами, но не как право лишённого собственности лица на гарантированный уровень жизни. На первый взгляд, это странно, так как их можно даже вывести из постулатов Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Вероятно, они считали, что социальная проблематика в праве является особой разновидностью революционного популизма и что юридический профессионализм заключается в следовании неким естественно-правовым канонам. Например, в ходе обсуждения будущей «Декларации прав гражданина» в Юридическом совещании на заседании 17 октября 1917 г. (показательная дата!) развернулась дискуссия о соотношении негативных и позитивных прав. Вопреки сторонникам включения в Декларацию всей совокупности позитивных прав (социальных и экономических, а также права каждого на достойное суще-

---

[1] *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. — М. : Зерцало. 2004. — С. 72.

[2] См., например: *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М. : НОРМА, 2009. — С. 172.

[3] *Гессен В. М.* Основы конституционного права. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 95.

ствование), на чем настаивали эсеры, В. М. Гессен выступил категорически против этого. Он объяснял, что в декларациях, возникших «при более ранних государственных переворотах», речь шла в основном о провозглашении свобод гражданина (то есть о «правах негативного статуса»). Он выступал за то, чтобы российская декларация «принадлежала к категории тех деклараций, в которых создаются конкретные формы прав гражданства»[1]. Очевидно, что такой подход не отвечал ни интересам массы наёмных работников, которую порождает индустриальное общество, ни уровню развития мирового конституционализма того времени. Напомним, что уже в Мексиканской Конституции 1917 г. и в Веймарской Конституции 1919 г. были закреплены так называемые «позитивные социальные права», а также понятие «социального государства».

Такова была теория, а что получилось на практике? После издания Основных законов 1906 г. к новому политическому режиму царской России с лёгкой руки М. Вебера приклеился ярлык «мнимого конституционализма»[2]. По определению О. Е. Кутафина, мнимый конституционализм — это такая теория и практика конституционализма, которая «отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность — авторитаризм»[3]. Представляется, что при таком определении мы не можем понять причины такого извращения принципов конституционализма. По нашему мнению, с юридической точки зрения, мнимый конституционализм следует понимать как такую ситуацию, при которой, с одной стороны, в основных законах провозглашаются права граждан, и даже образуются предусмотренные Конституцией органы государственной власти, а с другой стороны, свободы граждан не обеспечены никаким правовым механизмом по их реализации, и тем самым низведены до минимума. С политической точки зрения, данный феномен есть ничто иное, как попытка властвующей элиты Старого режима, используя достижения науки конституционного права, продлить своё пребывание у власти.

Если детально проанализировать текст Основных законов 1906 г., то станет ясно, что первая российская конституция по сути дела имитировала введение в жизнь государства основных принципов конституционализма. Так, вместо двухпалатного законодательного органа народного представительства были созданы два равноправных законодательных собрания — Государственный Совет и Государственная Дума, с весьма ограниченными полномочиями в сфере законотворчества. По сути дела, законодательная инициатива была

---

[1] ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 31 – 32.

[2] *Вебер М.* О буржуазной демократии в России// Социологические исследования. — 1992. № 3. — С. 134.

[3] *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008. — С. 7.

в руках исполнительной власти[1]. К тому же депутаты Государственной Думы и члены Государственного Совета имели очень незначительные полномочия в области контроля над исполнительной властью. Бюджетный процесс был построен таким образом, что народные представители не имели возможности реально влиять на формирование и распределение бюджета, а в области контроля над его исполнением они по сути дела всего лишь утверждали фактически произведенные государственные расходы[2]. Не было также предусмотрено в первой российской конституции никаких механизмов привлечения к ответственности министров[3].

Далее. Несмотря на то, что принцип разделения властей был формально проведен в Основных законах 1906 г.[4], фактически за народным представительством император и его окружение не признавали никакого самостоятельного значения. И в случае малейшего неповиновения Государственная Дума распускалась, одновременно указом изменялось избирательное законодательство. Так происходило до тех пор, пока российской властвующей элите того времени не удалось сформировать послушную и управляемую Государственную Думу, только к этому моменту дни самодержавия были уже сочтены.

Эти особенности российского конституционализма начала XX в. не позволили мирно решать задачи по модернизации страны. Очевидно, что отставание России в конституционном (как и в экономическом, социальном) развитии не может быть преодолено путем догматического заимствования юридических формул, выработанных зарубежными правоведами в иных исторических условиях. Решение этой задачи возможно только через выявление нормативного (ценностного) содержания конституционализма и через последующее оформление его в виде целостной системы позитивного (конституционного, административного и т.д.) права, адекватной вызовам индустриальной (тогда) или постиндустриальной (в настоящее время) эпохам. Без серьезной теоретической критики современной российской Конституции и практики её реализации в конкретных юридических и политических формах, мнимый конституционализм властвующей элиты станет навязчивым ин-

---

[1] См.: Ст. 29 «Учреждения Государственного Совета» от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 3-е. — Т. XXVI. — № 27 808; а также: Ст. 34 «Учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 3-е. — Т. XXVI. — № 27 424.

[2] Ст. 4 – 8 Утвержденных Высочайшим указом «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» от 8 марта 1906 г. //ПСЗ. Собрание 3-е.— Т. XXVI. № 27 505

[3] Ст. 114 Высочайше утвержденных «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений. — 1906. — Отд. 1. — № 98. — Ст. 603.

[4] Ст. 86 Высочайше утвержденных «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений. — 1906. — Отд. 1. — № 98. — Ст. 603

вариантом российской истории. А значит, возможно и повторение катастрофы, постигшее российское государство в 1917 г.

Список литературы

1. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. М. : РОССПЭН, 2010.
2. *Корф С. А.* Русское государственное право. Часть I. СПб. : Общественная польза, 1915.
3. *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М. : Зерцало, 2004.
4. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М. : Норма, 2008.

© Кочетков В. В., 2012